

## Семиотика праздника

*Симанова О.С., мл. научный сотрудник  
отдела экспозиционно-выставочной деятельности МБУК ТКМ*

Человек, рождённый в определённой культуре, с младых лет усваивает смысл и назначение знаков, которые обуславливают коммуникацию людей [4, с. 183]. Чтобы продукты духовной деятельности человека сохранились в культуре, чтобы они передавались и воспринимались другими людьми, они должны быть выражены, закодированы в знаковой оболочке [8, с. 40].

Область культуры – всегда область символизма. Всякая структура, занятая в сфере социального общения, есть язык. Она образует определённую систему знаков, применяемых в соответствии с известными членам данного общества правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т.п.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла [13, с. 6].

Знак есть предмет, выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для её приобретения, хранения, переработки и передачи. Знаки и системы знаков исследуются специальной наукой – семиотикой [8, с. 37].

Семиотика – наука о знаках и знаковых системах. Семиотика рассматривает особенности различных знаковых систем и сообщений, использующих эти разные типы знаков [4, с. 182]. Несмотря на греческое происхождение термина, семиотика как обобщающая наука о знаках древним грекам известна не была. Предполагают, что впервые этот термин был применён в эпоху эллинизма врачом Галеном (II в.), который обозначил им примерно то, что сегодня называется диагностикой. Первым науку о знаках назвал семиотикой Джон Локк в своём трактате «Опыт о человеческом разуме» (1690) [12, с. 7].

Начало семиотических исследований может датироваться работами американского философа Ч. Пирса (1839-1914) и швейцарского филолога и антрополога Ф. де Соссюра (1857-1913). Ч. Пирс как основоположник семиотики исследовал природу знака, языка, в результате чего возникла идея создать единую дисциплину, которая изучала бы все знаковые системы [4, с. 183].

Предметом семиотики является обозначенный символ. Исследуя знаки, семиотик не интересуется вопросами типа «почему», но исключительно «что» и «как» [12, с. 10].

Говорить о семиотике праздника – значит говорить о празднике как знаковой системе, а праздничные явления рассматривать как тексты, несущие информацию и смысл.

Во все эпохи праздникам отводилась огромная роль. Потребность в праздниках присуща человечеству с самых ранних времён [15, с. 3]. Праздник является неотъемлемой частью культуры, всей жизни общества. Праздники объективно необходимы, ведь это не столько отдых, сколько иное состояние сознания, противопоставленное будням [11, с. 1].

Одним из сильнейших средств к сближению людей и народов и одним из источников к познанию внешней и внутренней жизни каждого народа служат его праздники с относящимися к ним обрядами и ритуалами. Вместе с первыми верованиями возникнув в колыбели человечества, при образовании первого общества, они выражают в себе древний быт народа, климат той страны, где он живёт, его понятия об окружающем мире [19, с. 1].

Праздники сопровождают наиболее значимые, существенные моменты и периоды природных циклов и жизни коллектива, будь то государство, народ, религиозная община или семья.

Сегодня существует некоторое недопонимание роли праздника, а отсюда и недооценка самого феномена этого явления. Можно предположить, что потребность в празднике всегда уменьшается там, где возрастает богатство и уровень образованности, где человеку не нужно много и тяжело трудиться, когда ослабевают его эмоциональные связи с традиционно празднующими группами, к которым он формально принадлежит, когда человек не зависит от ритма природы и сам рациональным образом определяет ритм собственной жизни [16, с. 33].

Потребность в празднике уменьшается также с усилением рационализма, прагматизма и культа индивидуализма, выражающегося в желании оградить личную жизнь от посторонних посягательств.

Отсюда возникает вопрос: сводится ли праздник в наше время лишь к отмеченному в календаре красным цветом дню, в который человек не выходит на работу? Становится ли праздник только поводом для отдыха, или до сих пор несёт особый смысл? Какие символы и знаки позволяют говорить об особом значении праздника, формировавшемся с древнейших времён, и почему так важен вопрос семиотики праздника?

Как правило, изменения в праздничной культуре являются частью общих изменений, происходящих в целом в культуре сообщества. Но, даже подвергаясь глубоким изменениям, праздник часто сохраняет старинные элементы, которым общество придаёт новый смысл и которые можно идентифицировать как идущие из далёкого прошлого свидетельства о непрерывности культурных влияний и заимствований [16, с. 32]. Таким образом, в празднике соединены две тенденции: возврата, неподвижности и обновления, динамики. Он одновременно ориентирован на прошлое и устремлён в будущее. Праздник исконно связан с традицией, всегда опирается на апробированное, устоявшееся, постоянно стремится к возрождению и актуализации традиционного. Но по природе своей нацеленный на обновление, на будущее, он всегда способствует развитию и обогащению традиции [15, с. 3].

Факторы, обосновавшие общественную потребность в празднике, имеют постоянный характер – это ритмические явления жизни, изменчивость отрезков времени, как в связи с природным циклом, так и когда речь идёт о времени человеческой жизнедеятельности или времени историческом. Желание осознать этот ритм, почтить его и обозначить, оказать на него влияние, предотвратить его возможные нарушения, припомнить важные моменты прошлого, – те мотивы, в силу которых люди издавна отмечают праздники [17, с. 2]. Связь с памятным событием осуществляется для того, чтобы понять его «результат».

К примеру, равноденствие, новолуние – это моменты повторяющиеся, но в определённом смысле необычные; тысячелетиями наблюдаемые, они вызывали восхищение и страх одновременно; время их наступления выделялось особо, становилось праздничным временем, когда жизнь коллектива и личности протекала по правилам празднования.

День победного сражения, в результате которого город был спасён от уничтожения, или момент политического объединения, заложившего основы могущества и безопасности народа, представляют собой особенные моменты в жизни любого общества, отличающиеся от многих обычных, будничных дней, из которых складывается повседневное существование каждой группы людей. Эти даты требуют памяти и обновления, а также соответствующего церемониала, празднования [17, с. 3].

Обращаясь к толкованию термина «праздник», можно рассмотреть несколько определений. В «Толковом словаре живого Великорусского языка» В.И. Даль праздник трактует как «день, посвящённый отдыху, не деловой, не рабочий, противоположный будням, день, празднуемый по уставу церкви или же по случаю, относящемуся до местности, до лица».

Лингвист М. Фасмер считает, что этимологически само слово «праздник» заимствовано из исконно древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых. Филолог Л.В. Успенский в этимологическом словаре «Почему не иначе» определяет праздник в соответствии со старославянским «праздний» в значении порожний, «пустой» от работ, ничем не заполненный, кроме отдыха.

В энциклопедии «Мифы народов мира» праздник определяется как временный отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институционализированное действие [20, с. 46].

Ещё Платон и Аристотель высоко оценивали свободное время с точки зрения его возможностей для совершенствования человека, и отмечали, что важнейшей чертой праздника является его связь с имеющей особое значение для празднующей группы сферой. Их суждения о празднике не утратили своего значения до сих пор. Так, Платон в «Законах» ясно описал сложную природу праздника: «...Верно направленные удовольствия и страдания, – утверждал философ, – составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому боги, из сострадания к человеческому роду, рождённому для трудов, установили, взамен передышки от этих трудов... празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса, как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах...» [14, с. 17].

Можно выделить следующие компоненты праздника как социального и культурного явления:

- праздник отражает особенности сознания и мышления носителя определённой культуры;
- множественность языков праздника (вербальные, визуальные, обонятельные, тактильные);
- праздник обладает эстетической (украшательской) компонентой. Он обеспечивает укоренение ценности бытия на уровне символов, образов, смыслов, норм, ценностей. Упрощение смыслов и доведение их до символического массового понимания – специфика праздника, который втягивает в свою орбиту всех празднующих [3, с. 1].

Праздник обладает следующими основными качествами:

- непрерывностью, начиная с древности и до настоящего времени;
- детерминированностью ритмом природы, мифологическим временем, конкретной исторической ситуацией;
- относительной устойчивостью праздника при постоянном внутреннем изменении его содержания и формы;
- преемственностью социальной структуры и культурной традиции, т.е. общественным, коллективным характером;
- культурной ценностью праздника;

- реактуализацией религиозных форм праздников в культурогенезе [16, с. 34].

В России исследовательский интерес к феномену праздника возник в 30-е годы XIX века, что положило начало нескольким концепциям. Одна из них – праздник как миропонимание – описывает этот феномен культуры как особую модель формирования картины мира, которая и ритуализирует сознание, и ранжирует социальную жизнь, и производит эмоциональную разрядку, и объединяет людей. «Само слово праздник, – писал русский этнограф И.М. Снегирёв, – выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединённую с весельем и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий. Праздник есть антитеза будней с их трудом и заботами; это проявление особой, празднично-свободной жизни, отличной от жизни будничной, каждодневной...»

Д.М. Генкин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, считал, что праздник является гибкой педагогической системой, позволяющей наблюдать процесс педагогического воздействия [20, с. 46].

Исследователь праздничной культуры А.И. Мазаев отмечал: «Праздник есть свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно-обозримых границах места и времени и посредством живого контакта людей, собравшихся добровольно».

Одно из самых ярких и точных определений праздника, на наш взгляд, выделил русский философ и культуролог М.М. Бахтин: «Празднество (всякое) – это очень важная первичная форма человеческой культуры. Её нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда, или ещё более вульгарной формой объяснения – из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе. Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое миросозерцательное содержание» [20, с. 46].

В работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин показал, что сущность праздника не может быть сведена лишь к перерыву в монотонном чередовании будней или к развлечению, так как в жизни бывает немало свободных от работы дней, не связанных с праздниками. Не являются они в обычном смысле и зрелищем, вроде театра, цирка, кино, потому что они предполагают не пассивное созерцание, а активное поведение всех участвующих лиц [11, с. 7].

Другое направление исследований, морфологическое, утверждает, что своеобразие народных праздников подчиняется делению года на летний и зимний циклы, весна предстаёт преддверием лета, а осень – зимы. Порядок праздников в продолжение года протекает в виде восходящей кривой, которая образует двуцикловой праздничный календарь года, где главенствующими моментами выступают летний и зимний солнцевороты. Этим признавалась определённая миросозерцательная самостоятельность праздника как явления духовной культуры, его относительная независимость от труда.

Значительным вкладом в развитие исследований о празднике стала «трудовая» теория, характерная для советской этнографической науки. В её основе лежит общественно-трудовая деятельность человека, рассматриваемая как основной и единственный источник праздника, его календаря и обрядовых форм. Разновидностью «трудовой» теории является концепция филолога и фольклориста В.Я. Проппа. По мнению учёного, в основе народных праздников лежит мифология, а обрядово-зрелищным формам праздника свойственно магическое содержание. Праздничные обряды, развлечения и игры, отмечал В.Я. Пропп, – это своего рода модель повседневного труда, где праздник является его продолжением, творческим повторением сложившихся в труде навыков, обычаев, отношений.

«Трудовая» теория праздника схожа с рекреативной концепцией, объясняющей происхождение, календарь и содержание праздников потребностью человека в отдыхе (Н.О. Мизов, С.Т. Токарев) [1, с. 19].

А.В. Луначарский относил празднества к фундаментальным явлениям человеческой культуры, признавая в них важные социальные функции: идеологическую, воспитательную, эстетическую, развлекательную, рекреативную, коммуникативную и т.п. А.В. Луначарский прямо указывал на такие существенные для понимания праздника моменты, как его тесная связь с народным бытом, кульминационными событиями в общественной и личной жизни, значение праздника как средства воспитания и самовоспитания масс, в особенности их гражданских, нравственных чувств [11, с. 6].

Русский этнограф, профессор Московского университета И.М. Снегирёв в предисловии первого выпуска своего труда «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» отмечал: «Русские праздники простонародные и соединённые с ними древние поверья, составляя заветные стихи народности, входят во внутреннюю Историю Русского народа и его Древности. О важности и необходимости исследования сего предмета говорили Шлёцер, Карамзин и Митрополит Киевский Евгений. Представлено было несколько опытов, достойных внимания, гг. Глаголевым, Макаровым и И. Сахаровым. ...Наконец и я отваживаюсь представить свой опыт Русской Эортологии, в коем излагается общий и частный обзор простонародных праздников с обрядами и относящимся к ним песнями. Сколько можно, мною обращено внимание на время и место, где и когда возникали и продолжают сии праздники. Самое происхождение, содержание и цель оных решительно отделяет их от церковных св. празднеств». А также: «Сам постигая всю важность и обширность избранного мною предмета, объемлющего внутреннюю жизнь Русского народа в разных её эпохах, нахожу, что он требует больших и разнообразнейших познаний и средств, постояннейших наблюдений и исследований, нежели какие я имел. Чем дальше идти по этому поприщу, чем глубже вникать в этот предмет, по-видимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонний, тем более откроется новых сведений и соображений, важных для Истории, Филологии и Философии» [19].

Семиотическое поле праздника составляют его структура, визуализация и инносказательные выразительные средства.

Структура праздника:

- обряд;
- ритуал;
- церемония.

Прежде всего, празднику присуща двуплановость, которая наиболее ярко выражается в обряде – фиксированной последовательности символических действий, посредством которых закрепляются и постоянно воспроизводятся наиболее важные идеалы и ценности мировоззрения, основы народной философии жизни. По мнению французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, «обряды занимают в жизни такое же место, какое дом занимает в пространстве» [11, с. 8].

Во время каждого праздника совершали определённые обряды [21, с. 59]. Обряд – это совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-либо религиозные представления, бытовые традиции.

Ритуал – установленный порядок обрядовых действий. Ритуал (лат. *ritualis* – обрядовый, от *ritus* – торжественная церемония) – исторически сложившаяся или специально установленная форма поведения, в которой строго канонизированный способ исполнения действия лишён непосредственной целесообразности и служит лишь

обозначением (символом) определённого социального отношения (существующего социального порядка, признания каких-либо ценностей или авторитетов и т.п.).

Церемониал – порядок ритуалов.

Иносказательные выразительные средства, присущие празднику: символ, метафора, аллегория, которые с течением времени трансформируются. Данная трансформация происходит с изменением или внешнего вида – формы, или значения – содержания [11, с. 7].

Визуализация праздника включает подарки, открытки, сказочных персонажей, праздничный стол.

Основа праздничного знака – пространственно-визуальный, где все (предметы, люди) принимают на себя роль знака искусства, приобретают в течение праздничного действия черты, свойства и особенности, которыми в реальной жизни не обладают. В результате пространство праздника становится символическим, его функциональные особенности выстраиваются в смысловые блоки, обозначенные рядом конструктов, выполняющих определённые действия и оказывающих воздействие на окружающих [1, с. 14]. Так, издавна неизменными участниками всех праздников на Руси были бродячие актёры – скоморохи. Группой по пятнадцать-двадцать человек странствовали скоморохи из города в город, из села в село. Одни играли на гусях, домрах, сурнах (трубах), били в барабаны, бубны, другие плясали, третьи демонстрировали учёных медведей [9, с. 150].

Атмосфера и природа праздника способна значительно повлиять на изменение культуролого-антропологических параметров человека, в частности, трансформации мышления, которое преобразуется в целостное понимание, или радость познания [1, с. 16].

Отношение русского народа к празднику было довольно своеобразным [17, с. 5]. Старинный календарь являл собой череду сменяющих друг друга будней и праздников.

Осмысление старинного слова «праздник» в народной традиции неоднозначно. Понятие «праздный» означает «незанятый», «пустой», «свободный». Поскольку лень рассматривалась как один из тяжких пороков, желание проводить время без дела, празднуя, строго осуждалось.

Негативный оттенок смысла слов «праздник», «праздновать» исчезал в том случае, когда запрет на любую работу в определённые календарные дни освящался Церковью [21, с. 56].

С другой стороны, в традиционной народной культуре веселье, отдых от физического труда никогда не понимались как безделье. Праздник всегда выполнял важные общественные функции, имел глубокий смысл [16, с. 34]. Люди издревле считали праздник совершенно необходимым для человека, едва ли не главным событием в круговерти жизни: «Мы целый год трудимся для праздника», «Хоть всё заложи, да Масленицу проводи», «Жизнь без праздника, что еда без хлеба», «Хорош праздник после трудов праведных» – любили говорить крестьяне. Праздник воспринимался как дело святое, угодное Богу, апостолам и всем святым [17, с. 5].

Понятие «праздный» приобретает иной оттенок и с точки зрения того, что любой праздник требовал и требует к себе уважения. Оно выражается, прежде всего, в прекращении всех работ, в состоянии полной праздности людей – «День свят – все дела спят», в заботе о внешнем виде своего дома, в стремлении людей быть красивыми и нарядными, в желании сделать общение более радостным. Работа в праздник считалась грехом, а неухоженная или заваленная снегом деревня, неубранный дом, плохо одетые люди – неуважением к празднику.

Праздник с давних времён требовал уважительного отношения людей не только к облику своего дома, но и друг к другу, проявления гостеприимства ко всем, прибывшим в

деревню, даже к совершенно незнакомым, к нищим, странникам, участия каждого во всеобщем веселье, а также в наличие огромного количества еды и напитков [17, с. 5].

В этой связи можно привести случай, иллюстрирующий отношения хозяина и гостя в атмосфере каждодневного праздника, который владельцы устраивали в своих богатых имениях, начиная со времён Петра Первого. Так, в XVIII веке князь А.Б. Куракин в своём саратовском имении Надеждино собирал так много гостей, что некоторых хозяин даже не знал, «большой наплыв посетителей всегда был приятен князю; часто многие из бедных дворян жили здесь по несколько месяцев, не смея, из скромности, представиться князю; они всё-таки пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Каждому из приезжих гостей подавалась печатная инструкция: «Обряд и правила для здешнего образа жизни в селе Надеждине» [5, с. 313].

Стереотип восприятия не только загородной, но и городской культуры как череды бесконечных праздников, триумфов, каруселей, маскарадов, балов, приёмов, гуляний, фейерверков возник в беллетристической и бытописательской литературе со времён петровских преобразований [18, с. 1].

Так, отечественный историк С. Князьков в книге «Из прошлого земли русской», выпущенной в 1909 году, отмечает достаточно интересный факт из жизни Петра Первого. Сам Пётр Первый, установивший празднование новолетия с новой даты, 1 января, утвердивший моду на придворные балы и ассамблеи, «терпеть не мог разных придворных торжеств, церемониальных выходов и приёмов. В Петербурге долгое время ему и негде было всё это делать, и тогда отбывал он эти неприятные ему повинности своего сана во дворце своего герцбрудера, Данилыча; а приезжал на них в пышном экипаже, взятом напрокат у щёголя генерал-прокурора И.П. Ягужинского. Приближённые Петра должны были вести широкую жизнь с приёмами, пирами и весельем. Рассказывают, что Пётр, видя из своего домика торжество и пиршество в доме Меншикова, всегда с удовольствием говорил: «Вот так Данилыч веселится!» [10, с. 678].

Особое значение в празднике всегда имела его эстетическая составляющая: эмоциональная насыщенность содержания, выразительность, экспрессивность, алогизм, зрелищность, элементы карнавальности, театрализация. Все эти качества роднят праздник с искусством, но не отождествляются с ним. Психологический механизм воздействия праздника близок к катарсическому воздействию искусства.

Праздник всегда имеет оптимистический, жизнеутверждающий характер; его содержательная сторона отличается ярко выраженной духовной направленностью. В нём достаточно ощутима многовековая преемственность традиций и духовных ценностей [11, с. 6]. Так, характерное для всех народов почитание деревьев, зажигание на них огней и украшение их, а также представление о ставшем основой миропорядка мировом древе и послужили основой возникновения обычая рождественской ёлки [6, с. 21].

Смена исторических эпох сопровождается сменой социальной мифологии, символики, зачастую сменой летоисчисления (календаря) и, соответственно, сменой праздничного календаря [7, с. 119]. Не случайно при крутых поворотах истории, в переломные эпохи значительным изменениям подвергался календарь и вся система праздников. Великая французская революция конца XVIII века отменила специальным декретом христианское летоисчисление и назвала первым днём новой эры 22 сентября 1792 года – день провозглашения Республики. От этой даты стали отсчитывать новые 12 месяцев (жерминаль, брюмер, термидор и др.). За изменением календаря, введением нового счёта и отсчёта времени последовало и учреждение новых праздников. В России после Октябрьской революции 1917 года произошло изменение парадигмы праздников, внедрение «Красного календаря», в котором практически все прежние религиозные, народные земледельческие праздники, юбилеи по поводу исторических событий, были

отменены и заменены абсолютно новыми, связанными с революционными датами и личностями: например, День Парижской коммуны, годовщины Октября и др. [15, с. 5].

Несмотря на изменения, которые вносят в жизнь общества данные исторические вехи, особый обрядово-зрелищный язык культуры праздника предполагает известный автоматизм, повторение некогда сложившихся образцов или типов поведения. Это выражается в следовании традициям, с помощью которых социальная жизнь ищет дополнительные опоры своей стабильности, что значительно усиливается массовым характером празднеств [1, с. 24]. Многолюдные гулянья и праздники всегда входили в городской быт, но на протяжении долгого времени они полностью копировали крестьянскую традицию: устраивались в те же календарные сроки и в тех же формах (ряженые на Святках, катание на лошадях и с ледяных гор на Масленицу, качели на Пасху, завивание венков и хороводы на Троицу и т.п.). Сами гулянья назывались в народе «под горами» или «под качелями» [15, с. 7].

Праздник, с информационно-семиотической точки зрения, это время, когда общие идеалы выходят вовне, чтобы проявиться, подтвердиться, закрепиться. В атмосфере праздника человек наиболее остро ощущает себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществляется контакт и свободное общение, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность людей [15, с. 4].

Сегодня стихийно возникающие (нередко заимствованные) праздники словно бы компенсируют неудовлетворённое стремление людей проявить и прочувствовать дружескую солидарность в атмосфере всеобщего праздника, дарующего эмоциональный подъём, веселье и радость. Так вошли в нашу жизнь и стали достаточно популярны Валентинов день, Хэллоуин и некоторые другие. Оказалось, что праздников явно не хватает, ощутимо не только их малое количество по сравнению с бывшими в царской и советской России, но и неравномерное распределение по годовому кругу, а также отсутствие их разнообразия, наличия истинно весомых, уважаемых, всенародных праздников [15, с. 5]. Эту проблему называли «праздничным голодом».

С другой стороны, огромное количество людей разных вероисповеданий и национальностей проявляет невероятный интерес к прежним, традиционным праздникам – светским и религиозным, пытаясь возродить их и ввести в современную жизнь, при этом подчас вовсе не имея никакого представления о том, как и почему проходил тот или иной праздник, каковы были его местные, временные, конфессиональные особенности, что в нём изначально, исконно, а что привнесено позднее и т.д.

Возрождающийся праздник становится символом возвращающихся ценностей. Современный праздничный календарь как никогда обширен, он даёт человеку право индивидуального выбора, оставаясь формой искомой человеческой общности, способом хранения и трансляции смыслов [15, с. 6].

Список используемой литературы и источников:

Ванченко, Т.П. Культуролого-антропологические основания праздника: семантико-семиотические аспекты [Текст] / Т.П. Ванченко: автореферат дис. на соискание учёной степени доктора философских наук. – Тамбов, 2009. – 38 с.

Ванченко, Т.П. Архитектоника массового праздника [Электронный ресурс] / Т.П. Ванченко // Аналитика культурологии. – 2008. – № 10. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-massovogo-prazdnika>

Ванченко, Т.П. Семиотичность праздника [Электронный ресурс] / Т.П. Ванченко // Аналитика культурологии. – 2008. – № 10. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/semiotichnost-prazdnika>



Гуревич, П.С. Философия культуры [Текст]: Учебник для высшей школы / П.С. Гуревич. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. – 352 с.

Дмитриева, Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай [Текст] / Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. – М.: ОГИ, 2008. – 528 с.

Душечкина, Е.Д. Русская ёлка: История, мифология, литература [Текст] / Е.Д. Душечкина. – СПб.: «Норинт», 2002. – 416 с.

Каверина, Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен [Электронный ресурс] / Е.А. Каверина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-esteticheskiy-i-sotsialnyy-fenomen>

Кармин, А.С. Основы культурологии: морфология культуры [Текст] / А.С. Кармин. – СПб.: Издательство «Лань», 1997. – 512 с.

Князева, О.Л., Маханева, М.Д. Приобщение детей к истокам русской народной культуры [Текст]: Программа. Учебно-методическое пособие / О.Л. Князева, М.Д. Маханева. – СПб.: Детство-Пресс, 2002. – 304 с.

Князьков, С. Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома [Текст]. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. / С. Князьков. – М.: Планета, 1991. – 712 с.

Курбатов В.П., Верещагина, И.М. Феноменология праздника [Электронный ресурс] / В.П. Курбатов, И.М. Верещагина // Концепт. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-prazdnika>

Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – 768 с.

Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 399 с.

Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования [Текст] / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978.

Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века [Текст] / А.Ф. Некрылова. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.

Орлов, О.Л. Российский праздник как феномен культуры [Электронный ресурс] / О.Л. Орлов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-prazdnik-kak-fenomen-kultury-1>

Пономарева, О.А. История праздника как феномена культуры [Электронный ресурс] / О.А. Пономарева // Аналитика культурологии. – 2007. – № 7. – <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-prazdnika-kak-fenomena-kultury>

Семина, В.С., Баженова, Т.П. Европейские мотивы в архитектонике праздничной и развлекательной культуры России XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] / В.С. Семина, Т.П. Баженова // Антология культурологии. – 2007. – № 8. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskie-motivy-v-arhitektonike-prazdnichnoy-i-razvlekatelnoy-kultury-rossii-xviiiix-vekov>

Снегирев, И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды [Текст]: Вып. 1 / И.М. Снегирев. – М, 1937.

Степанова, И.В. Определение праздника. Проблемы терминологии [Текст] / И.В. Степанова // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 1 (8). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-prazdnika-problemy-terminologii>

Российский Этнографический музей – детям [Текст]: Методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений / Ботякова О.А., Зязева Л.К., Прокофьева С.А. и др. – СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2001. – 192 с.